

Манедрового хрипатый
поутру орёт гудок.
За окном семидесятый –
молод, статен и высок.

У щелей на стенках – иней,
но уже никто не спит.
Ах, как звонко утром зимним
снег под валенком скрипит.

Север пробует на прочность
озорную молодежь,
и тут хочешь, и не хочешь,
а вперёд других пойдёшь.

Полушубок – распашонка,
хоть на улице мороз,
парень – гоголь, а девчонка
в полушалок прячет нос.

На работе – не до смеха!
Но работа – не страшит.
Каждый, кто сюда приехал,
был суровой ниткой сшит.

Каждый знал, что новый город
не построить просто так,

но когда силен и молод,
всё горит в твоих руках.

И весёлые подружки
не дают грустить парням,
звон гитары, спирт из кружки –
послесловие к тем дням.

Непростой семидесятый –
песни, пляски до утра,
сон короткий, холод в хате,
и опять вставать пора.

Лебединых песен стая
отлетела в никуда.
Отчего теперь вздыхаем,
вспоминая те года?

* * *

Широкое травное поле. Река под горою.
Колодец замшелый, где пара тритонов играет.
Картошка в золе. Дикий лук. Ощущенье покоя,
и чистое, синее небо до самого края.

Краюха подсохшего хлеба вкусна и душиста,
а сердце от вида раздолья и счастья трепещет.
На солнечном склоне лежит и мечтает мальчишка
про то, что когда-то случится, и прочие вещи,
про мамыны руки, которые помнит с рожденья,
про папину лётную куртку – в ней можно согреться.

...Опять возвращается памятью, как наважденье,
ко мне босоное лето и светлое детство.

ЦЕРКОВЬ ПОДО РЖЕВОМ

Годы не спеша стирают даты.
Вижу, как тогда, июньским днём,
храм в полях, разрушенный когда-то
перекрёстным, гибельным огнём.

О красе былой не беспокоясь,
в утренней звенящей тишине,
он стоял, осыпавшись по пояс,
памятником проклятой войне.

Я стоял, смотрел. Жена вздохнула
с горечью, как русским надлежит,
а потом с ресниц слезу смахнула,
деда вспомнив: где-то здесь лежит.

Разгоралось подо Ржевом утро,
птичий гомон плыл со всех сторон,
и тогда услышал я, как будто
небо донесло набатный звон.

Он плывёт над матушкой Россией
с тех далёких лет и до сих пор,
потому незванные стихии
не сорвали гордый триколор.

Знаю, почему на сердце больно:
сколько их, кто был в огне убит?
Колокол гудит на колокольне.
Память, будто колокол, гудит.

СРЕТЕНСК

Я помню заборы, покрытые пылью,
и вкус огурца, принесённого с грядки.
Тогда коноплю втихаря не курили,
хотя её произрастало в достатке.

Ещё вспоминаю затон и рыбалку
с добычей, которой не стыдно, поверьте,
девчонку в сандалиях и со скакалкой,
что мне надоела кривляньем до смерти,
плашкоут, что вёз нас с отцом через речку,
и звёздную ночью гудки пароходов,
сверчка с его песней за русскою печкой,
да радость щенячью в любую погоду.

Там бабушка чёрная, как головёшка,
укрыв под платком заплетённые косы,
дымит на крылечке своей папиросой,
а рядом, мурлыкая, ластится кошка.

Пожарная вышка под самой горою,
где лазили мы, несмотря на запреты,
отвесные скалы над бурной водою
и вмиг пролетевшее жаркое лето.

Как славно мне было в те юные годы
поехать к ней в гости, где брат мой, Володя,
летал на моторке по водным угодьям,
шаловой представитель бурятской породы.

Глаза закрываю, и видится город
тогда ещё песенный и не унылый
на Шилке-реке, в забайкальских просторах.
Но как бесконечно давно это было...

Полощется детство цветною рубахой,
сигналил с небес до последнего вздоха.
А бабушкин город рассыпался прахом,
зарос коноплём и чертополохом.